

НОВЫЕ КНИГИ

Д. М. Жихаревич, А. В. Резаев

Тупики и повороты исторического анализа раннего капитализма: «Капиталисты поневоле» Р. Лахмана

Рецензия на книгу: Лахман Р. 2010. *Капиталисты поневоле: конфликт элит и экономические преобразования в Европе раннего Нового времени*. М.: Изд. дом «Территория будущего».

ЖИХАРЕВИЧ Дмитрий Михайлович — студент 2-го года обучения магистерской программы «European Societies» факультета социологии Санкт-Петербургского государственного университета (Россия).

Email: mitya.zhe@gmail.com

Ревизионисты... становятся почти постмодернистами. Они утверждают, что, так как у революции было много смыслов, то у неё не было смысла вообще, а так как у людей были разные причины выбрать ту или иную сторону в Гражданской войне, этого конфликта нам в принципе никогда не понять.

*Ричард Лахман*¹

Перевод на русский язык и публикация в России фундаментального исследования Ричарда Лахмана, несмотря на десятилетнее опоздание², можно рассматривать не только как очередной шаг на пути интеграции российской социологии в мировую социальную науку, но и как существенный вклад в дискуссию, развернувшуюся в отечественной литературе в последнее время относительно поведения политических элит в капиталистическом обществе. «Капиталисты поневоле» — это яркая манифестация «незавершённого проекта» классической социальной науки, скепсис в отношении которого постепенно становится общим местом. Книга Лахмана показывает, каких результатов может достичь спокойное и последовательное социологическое исследование, внимательное к историческим деталям и не обременённое излишней рефлексией относительно собственных оснований. Опираясь на собственную концепцию конфликта элит, Лахман тестирует основные теории генезиса новоевропейского капитализма и предлагает альтернативное структурное объяснение этого процесса.

Книга представляет большой интерес для экономической социологии, очевидным образом пересекаясь с её тематическим полем. Нет сомнений в том, что работа Лахмана вызовет интерес у социологов, занимающихся проблемами элит, равно как и у тех, кто анализирует теоретические и методологические проблемы. Мы попытаемся реконструировать контекст, в рамках которого разрабатывалась модель конфликта элит, а также логику рассуждений Лахмана, представим краткий обзор содержания и основные

¹ См.: [Лахман 2010; 213].

² Впервые: Lachmann R. 2000. *Capitalists in Spite of Themselves. Elite Conflict and Economic Transitions in Early Modern Europe*. Oxford: Oxford University Press.

РЕЗАЕВ Андрей Владимирович — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой сравнительной социологии факультета социологии Санкт-Петербургского государственного университета (Россия).

Email: anrezaev@yandex.ru

сюжеты исследования, обратим внимание на эвристический потенциал сравнительной стратегии, используемой автором при анализе капитализма. В заключение в самом общем виде представим наши соображения относительно значения работы Лахмана для развития экономической социологии и для дальнейшего анализа современных проблем социальных наук в целом. В немногочисленных откликах на публикацию книги Лахмана эти вопросы практически не рассматриваются³.

Генеалогия и контекст

Концепция конфликта элит, которую разрабатывает Лахман, восходит к серии дискуссий в послевоенной англо-американской исторической социологии. Критически важным для понимания аргументации Лахмана является так называемый диспут Бреннера (*The Brenner Debate*), развернувшийся вокруг статьи Роберта Бреннера «Agrarian Class Structure and Economic Development in Pre-Industrial Europe» («Аграрная классовая структура и экономическое развитие в доиндустриальной Европе»), опубликованной в 1976 г. в журнале «Past and Present» [Brenner 1976] (см. также: [Dobb 1947; Sweezy 1976; Brenner 1982]; исчерпывающую библиографию по этому вопросу см.: [Lachmann 1989]). Бреннер попытался решить старую проблему английского первенства и ответить на вопрос, почему Англия встала на путь капиталистического развития раньше остальных европейских стран. Исследование английского перехода неизбежно поднимает более общие вопросы теории социального изменения. Основные точки зрения, представленные в дискуссии (преимущественно среди марксистов), от которой отталкивался Бреннер, тяготели к двум противоположным взглядам на природу феодализма. Докапиталистический социальный порядок рассматривается либо как состояние застоя, стагнации и перманентного конфликта, блокирующего экономический рост, либо как специфический способ производства, в рамках которого происходит борьба классов, постепенно приводящая к кризису и трансформации феодального порядка. Первый подход описывает генезис капитализма как результат влияния внешних факторов — «вольного воздуха» городов, дальней торговли и мирового рынка. Второй подход концентрируется на изучении феодальной динамики как источника социального изменения. Наиболее ярко обе позиции были представлены в споре М. Добба и П. Суизи (*The Dobb-Sweezy Debate*), начало которому положила работа Добба «Studies in the Development of Capitalism» («Исследования развития капитализма») [Dobb 1947]. Тем не менее, вплоть до 1960-х гг. в дискуссии доминировало «внешнее» объяснение генезиса капитализма. Исследование Бреннера появилось уже в эпоху гегемонии демографических моделей, пришедших на смену «рыночной ортодоксии» Суизи и его последователей. Такие исследователи, как Э. Леруа-Ладюри и М. Постан, опираясь на анализ структуры аграрного производственного цикла, объясняли разные траектории английского и французского капитализма, а также различия в экономическом развитии Западной и Восточной Европы в терминах демографии.

³ См., например, обзор новых книг: [Мелихов 2010: 316–323]; см. также краткое, но содержательное предисловие к рецензируемой книге [Дерлугьян 2010]; среди откликов американских коллег Лахмана см., например: [Tarrow 2003; Emigh 2004].

Аргумент Бреннера, по существу, является социологическим. Позиционируя себя в поле «политического марксизма», Бреннер пытается показать, что демографические детерминисты упускают ключевую переменную — локальную динамику социального конфликта, спровоцированного демографическими перепадами. Демографические тенденции континентального масштаба не могут быть использованы для объяснения различий на уровне отдельных стран, а как раз на этом уровне разрешился конфликт классов, породивший новые институциональные формы (*social-property relations*), которые повлияли на дальнейшее экономическое развитие Европы. Рассматривая классовый конфликт в качестве ключевой переменной, Бреннер утверждает автономию социального. Демографические, экологические, технологические и другие факторы действуют опосредованно, и именно результат социальной (и политической) борьбы определяет, как, в конечном счёте, обнаружится их влияние. Логика дискуссии во многом воспроизводит дебаты о дисциплинарной автономии социологии. Парадигматическим примером здесь является знаменитая формулировка Э. Дюркгейма, постулировавшего, что социальный мир обладает собственной онтологией — представляет собой реальность *sui generis*⁴, тем самым обосновывая возможность социологии как самостоятельной науки. В эвфемизированной форме следы этой борьбы с редукционизмом обнаруживаются на разных этапах её развития. Так, и Бреннер последовательно критикует своих оппонентов. Историки не способны объяснить различия в экономическом развитии, спровоцированные общеевропейской демографической динамикой. Неинституциональная перспектива⁵ скрывает отношения власти и эксплуатации за нейтральным понятием «контракт» и, в конечном счёте, тоже сводится к аргументу *prices & people*⁶, концентрируясь на изменениях относительных цен и пропорции «земля — население». Столь же неудовлетворительными оказываются и объяснения ортодоксальных «экономических» марксистов, убеждённых в существовании механических «законов движения» формаций — «овеществление актора в логике структуры», как позднее назовёт подобный подход Лахман [Лахман 2010: 40].

Идея Бреннера заключалась в следующем: чума 1348–1350 гг., получившая название «чёрная смерть», унесла жизни более трети европейского населения и погрузила аграрные экономики Европы в состояние кризиса. Демографический спад наблюдался по всей Европе, однако институциональная реакция на кризис варьировалась в зависимости от уровня организованности феодальных классов. В Восточной Европе крестьяне были повторно закрепощены, что впоследствии не позволило восточноевропейским монархам выстроить автономное от дворян государство, оснащённое независимым бюрократическим аппаратом и использующее крестьян как источник налоговых поступлений и военной силы без посредства феодалов. В Западной Европе общинная солидарность крестьян помешала лендлордам усилить эксплуатацию, в результате возник ряд институциональных форм, существенно расширивших личную и экономическую свободу крестьян. Тем не менее, перестав быть крепостными, они не стали пролетариями.

Лахман модифицирует аргумент Бреннера. Он тоже склонен рассматривать капитализм как продукт, скорее, феодального конфликта, нежели влияния внешних сил⁷. Единственной ошибкой Бреннера была переоценка роли классового конфликта по поводу распределения прибавочного продукта: объяснив специфику развития Западной и Восточной Европы, он упустил различия между Англией и Францией, равно как значительный разрыв между освобождением и пролетаризацией английских крестьян. Исследование этого разрыва привело Лахмана к первоначальной формулировке собственной модели, изложенной в его первой монографии — «*From Manor to Market...*» («От манора к рынку...») [Lachmann 1987].

⁴ Своеобразный (лат.). — Примеч. ред.

⁵ По крайней мере, в ранней формулировке; см.: [North, Thomas 1987].

⁶ «Цены и люди» — собирательное название исторических моделей экономического развития, объясняющих его неравномерность в терминах изменений относительных цен и демографических колебаний.

⁷ См. критику этих концепций: [Lachmann 1989: 47–72].

Лахман рассматривает манориальное землевладение Англии как результат институционализации отношений власти между производящим классом крестьян и тремя элитами — короной, Церковью и лендлордами, — каждая из которых владела определённой долей прибавочного продукта, юридических и фискальных полномочий. Кроме того, каждая элита стремилась создать независимый аппарат контроля и эксплуатации, что отразилось на сложной структуре распределения трудовых и денежных повинностей крестьян, а также на организации судебной системы [Lachmann 1985: 349–378]. Этот баланс сил, реализовавшийся в структуре манора, привела в движение «чёрная смерть». Реформа Генриха VIII и ликвидация монастырей запустили новый этап конфликта элит, где ставкой были имущество и власть, принадлежавшие Церкви. Заграничные войны привели корону к фискальному кризису, потребовавшему оптимизации налогообложения и создания автономного репрессивного аппарата. Возникший в Англии горизонтальный абсолютизм стал результатом усилий короны подчинить себе национальную Церковь и завладеть монополией на организованное насилие, уничтожив частные армии местных магнатов. Корона была вынуждена объединиться с лендлордами, чтобы подавить Церковь как конкурирующую элиту. Исчезновение Церкви как значимого игрока на местном уровне, в свою очередь, открыло возможности для формирования класса джентри, окончательно перестроившего отношения в аграрном секторе. Итогом трансформации стала частная собственность на землю и труд, а рынок появился как разрешение феодального конфликта.

Модель конфликта элит

Элита определяется как «группа правителей, обладающих возможностями присваивать себе ресурсы не элит и входящих в обособленный организационный аппарат» [Лахман 2010: 31]. Множественные элиты «возникают в том случае, если группа акторов (либо внутри старой элиты, либо пришедших с неэлитарных позиций) развивает возможность извлекать ресурсы из не элит таким образом, что другие элиты должны терпеть это для того, чтобы сохранить собственный доступ к ресурсам не элит» [Лахман 2010: 31–39]. Эскалация классового конфликта требует от противоборствующих сторон высокого уровня солидарности, который встречается довольно редко. Элиты гораздо больше озабочены своей внутренней борьбой, а эксплуатируемым массам зачастую проще войти в тактиче-ский альянс с одной из конкурирующих элит и добиться улучшений своего положения в краткосрочной перспективе, чем ввязываться в длительный процесс воспитания «классового сознания». Структура распределения власти, как правило, предполагает существование множественных элит, которые не обязательно отличаются друг от друга по производственным отношениям, то есть являются фракциями господствующего класса. Марксистский анализ поэтому работает эффективно лишь в ограниченном числе случаев: когда правит единичная элита, и все её усилия в отсутствие конкуренции направлены на воспроизводство отношений эксплуатации, либо когда множественные элиты являются фракциями класса (ситуация, описанная Марксом в «18 брюмера Луи Бонапарта») [Лахман 2010: 33–34]. В первую очередь элиты заинтересованы в воспроизводстве своего положения, а их классовые интересы структурируются межэлитной борьбой за монополию на присвоение ресурсов с помощью единого организационного аппарата.

Лахмановская концепция элит основывается как на классическом наследии (работы В. Парето и Г. Моски, концепция «властвующей элиты» Ч. Р. Миллса и др.), так и на современных достижениях социальной теории (см.: [Lachmann 1990]). Лахман далёк от эссенциализма ранних исследователей элит, и, хотя теоретические абстракции в книге представлены весьма скупо (зачастую лишь в примечаниях), за ходом рассуждений угадывается продуманная реляционная модель социальной структуры [Лахман 2010: 411–412], во многом вдохновлённая идеями Х. Уайта и Р. Бёрта [White 1970; Burt 1992]. Отказываясь от априорных представлений об агентах исторического изменения («средний класс — двигатель демократизации» и т. п.), Лахман пишет: «Структурные изменения можно прогнозировать и анализировать, только помещая агентов изменения в отношения с другими акторами, которые косвенно или неосознанно создают стратегический просвет собственными действиями».

ми внутри той же самой общей структурной обстановки» [Лахман 2010: 31]. Поскольку на уровне производственных отношений элиты сталкиваются не только друг с другом, но и с сопротивлением производящих классов, возможности для перестройки социальной структуры чаще открываются в ходе конфликта элит, а не классов. Именно с элит поэтому начинаются «цепочки благоприятных возможностей» (*chains of opportunities*)⁸: рационально преследуя свои краткосрочные интересы, элиты создают «стратегический просвет» в социальной структуре, запуская тем самым последовательность непредвиденных долгосрочных эффектов, приводящих к социальному изменению. Переход начинается на национальном уровне межэлитного конфликта, а не на локальном, где извлекается прибавочный продукт.

Новое время было!

В «Капиталистах поневоле...» Лахман последовательно применяет свою модель, рассматриваемую как теорию среднего уровня [Лахман 2010: 40], к целому ряду незавершённых историко-социологических дебатов или попросту белых пятен, которыми изобилуют масштабные повествования о происхождении современного мира. Почему европейские торговые города, сотни из которых добились фактической автономии и определённых формальных гарантий в XII–XIV веках, не повели за собой Европу и к XVI веку были поглощены более крупными политическими образованиями? Как объяснить перемещение центра миросистемы из Италии в Нидерланды, а затем в Британию? Насколько в действительности капиталистическое развитие Европы зависело от силы государственной бюрократии, империализма, заморской торговли, демографических волн и технологических инноваций? Каков реальный вклад протестантской этики и рационализации в образование «современности»? Наконец, как объяснить пространственно-временные вариации капитализма (отставание одних стран и ускоренное развитие других) в Европе Нового времени? Ликвидации такого рода разрывов, в общем, и посвящена книга. Как показывает Лахман, за каждым из них скрываются сложные и противоречивые процессы, вполне поддающиеся, однако, внимательному анализу. Решение этой на первый взгляд вторичной задачи борьбы с аномалиями и контрпримерами «больших» теорий оборачивается пересмотром ряда выводов марксистской и веберовской ортодоксии, а также важными теоретическими обобщениями.

Каждая глава открывается анализом литературы, выявлением слабых аргументов и логических несоответствий, внимательным рассмотрением всех «вторичных» факторов — демографических показателей, распределения экологических зон и т. п.

В первой главе констатируется: «Что-то произошло в Западной Европе в XV–XVIII вв.» [Лахман 2010:19], — и кратко обрисовываются основные перемены в повседневной жизни, культуре, экономике и демографии Европы раннего Нового времени. Содержание первой главы проще всего охарактеризовать, перефразируя заголовок знаменитой работы Б. Латюра: «Новое время было!» [Латюр 2006].

Во второй главе Лахман возвращается к эмпирической проблеме, которую пытался решить Бреннер, сравнивая социальные структуры Англии и Франции до и после «чёрной смерти» (с промежутком в сто лет), а в центре внимания оказываются различия в количестве и типах конкурирующих элит и отношениях между ними. Цель сравнения: установить реальное влияние демографических, экологических, технологических и идеологических факторов на аграрное производство эпохи Ренессанса.

В третьей главе сравниваются города-государства ренессансной Италии, независимые голландские города и Ганзейская лига, а также будущие столицы национальных государств, к XVI веку пере-

⁸ Концепция Х. Уайта; см.: [White 1970].

хватившие лидерство по темпам урбанизации и экономического роста. Цель сравнения: определить место городов и более крупных политических единиц в мире Ренессанса. Вновь Лахман полемизирует сразу с несколькими теоретическими направлениями, рассматривая упадок автономных городов и подъём государств-наций как две стороны единой историко-социологической проблемы. Если города были «островками свободы» среди феодальной отсталости, почему они не повели за собой Европу? Если государства-нации настолько превосходят городские коммуны в способности аккумулировать военную силу и капитал, почему городам удалось продержаться до XVI века? Если сельская мануфактура была более эффективна, нежели городское ремесленное производство, почему контроль над ней захватили национальные блоки, а не сеть граничащих городов-государств [Лахман 2010: 98]? Такая постановка вопроса высвечивает очередной «разрыв», на этот раз — в концепциях «урбанистов» А. Пиренна и П. Суизи, равно как «государственников» и Ф. Лэйна и Ч. Тилли (см., например: [Pirenne 1925; Sweezy 1976; Lane 1979; Tilly 1987]). Целостный, но, по мнению Лахмана, не убедительный взгляд на проблему обнаруживается лишь в работах М. Вебера ([Лахман 2010: 88–100], см. также: [Weber 1978]), рассматривающего упадок городского капитализма и подъём государственной бюрократии в качестве проявлений единого процесса. Вебер, однако, рассматривал феодальный порядок как состояние хронического конфликта, переломить который оказалась способна лишь Реформация, породившая новую психологию. Старт капиталистического развития, по Веберу, требовал внешнего импульса, и эту роль сыграла пресловутая протестантская этика. По мнению Лахмана, Вебер переоценил различия в психологии европейцев до и после Реформации и, наоборот, недооценил феодальную динамику: капитализм, по Лахману, — артефакт феодальных конфликтов.

Лахман показывает, как сначала борьба французских и бургундских королей, германских императоров и римского папства, закончившаяся геополитическим патом, обеспечила условия для автономии итальянских городов Ренессанса, а затем конфликт элит на локальном уровне запустил развитие городской торговли и рациональных предпринимательских техник, определив институциональную специфику сформировавшихся институтов и пределы городского капитализма. Критически важным здесь оказывается случай Флоренции: отрезанные от сверхприбылей транснациональной торговли флорентийские элиты были вынуждены сосредоточиться на производстве шерсти и шёлка, а также на финансовом обеспечении Папы. Флоренция показательна ещё и тем, что на протяжении нескольких веков была очагом конфликта элит, в ходе которого они время от времени «опускались» (*rising down*)⁹, обращаясь за помощью к иерархически нижестоящим группам. В результате власть переходила от аристократии к патрициату, а затем к новым элитам, каждая из которых, добиваясь гегемонии, пыталась заблокировать следующий этап конфликта, угрожающий достигнутым преимуществам (как это произошло, например, с «пролетарским» восстанием чомпи [Лахман 2010: 136–138]). Ставкой в борьбе элит была возможность эксплуатации сельских предместий: коллективизация феодальных прав сменяется рефеодализацией флорентийской политики при Медичи, заблокировавших следующий этап конфликта элит [Лахман 2010: 141–145]. Желание доминирующей элиты упрочить свою гегемонию стабилизировало социальную структуру и стало препятствием на пути капиталистического развития.

Анализ конфликта элит на уровне городов-государств позволяет установить реальную роль городов в капиталистическом развитии, объяснить, почему они оказались в тупике, и поднимает ряд новых вопросов. Тупик, в котором оказались города-государства, где развивался в лучшем случае «политически ориентированный» капитализм, заставляет вновь обратиться к конфликтам сельских аристократий.

В четвёртой главе анализируется трансформация английских и французских элит во время Реформации. Лахман оценивает Реформацию как момент «стратегического перелома» европейской истории

⁹ Термин принадлежит Х. Уайту; см.: [White 1992].

[Лахман 2010: 179], однако, в отличие от Вебера, рассматривает этот процесс не столько как идеологическую, сколько как структурную трансформацию. В четвёртой главе идёт речь о структурном изменении в отношениях элит, результатом которого стало образование двух типов абсолютистского государства — «горизонтального» абсолютизма в Англии и «вертикального» во Франции. Монархи Франции не смогли одолеть духовенство и магнатов на национальном уровне и были вынуждены создать аппарат государственных служащих, постепенно вовлекая конкурирующие элиты в борьбу за прибыльные должности. Сформировавшаяся структура власти отличалась от английского абсолютизма прямыми «вертикальными» связями местных чиновников и корпораций с правителями [Лахман 2010: 189–190]. Отдельное внимание уделяется анализу французской Фронды и Гражданской войны в Англии, а также их последствиям, отразившимся на организации элит, анализу контроля над производящими классами (крестьянством) и регулирования аграрного производства.

В пятой главе Лахман показывает, что колониальная торговля и империализм также нельзя считать решающими факторами, определившими развитие миросистемы. Капиталистические рынки раннего Нового времени ещё не были столь сильно взаимозависимы, чтобы сыграть решающую роль в процессе европейского перехода. Сравняется влияние феодальных элит на возникающие формы государства, чтобы установить, почему социальная система Ренессанса сразу не уступила место капитализму и государствам-нациям. Динамика конфликта элит в Испанской империи помешала короне создать в лице сеvilских купцов элиту, способную конкурировать с колониальной аристократией, в результате чего Испания, беспрецедентно обогатившаяся от захвата американских территорий, в XVII веке пережила абсолютный и относительный финансовый крах. Структура голландского конфликта элит сначала позволила купеческой олигархии обогатиться от колониальной торговли, а затем отсутствие внутренней конкуренции «заморозило» социальную структуру и привело к торговому застою. Пальма первенства перешла к Британии. Анализ конфликта элит показывает, как государственные структуры Испании и Нидерландов блокировали конкуренцию в европейской экономике, и объясняет смещение гегемонии в миросистеме, не удовлетворяясь его простой констатацией (за это Лахман критикует Ф. Броделя и И. Валлерстайна).

В шестой главе проводится базовое сравнение Англии и Франции, чтобы определить, как последствия консолидации элит внутри и снаружи абсолютистского государства повлияли на классовые отношения в аграрном секторе и экономическое развитие двух стран. Лахман рассматривает, как феодальные сеньоры отреагировали на конфликты времён Реформации, рассмотренные в четвёртой главе, а затем переходит к анализу собственно классовой борьбы, сопоставляя различные ответы крестьян на сеньориальные притязания, их способность к сопротивлению или содействию возникающим капиталистическим аграрным отношениям XVII века.

В седьмой главе Ричард Лахман, наконец, добирается и до веберовского тезиса о протестантской этике. Опираясь на современные исследования протестантизма, акцентирующие внимание на разнообразии его этических и политико-теологических импликаций, равно как и на различиях групп-носителей протестантской идеологии, Лахман также использует эмпирическую статистику судов над ведьмами и колдунами, чтобы показать пределы рациональности в постреформационную эпоху. «Нерациональные» магические практики и народные суеверия оказались на редкость живучими даже после Реформации, а средневековые европейцы, настаивает Лахман, были ничуть не менее рациональны, чем их потомки. Этим и объясняется динамика репрессий, предпринятых элитами в отношении колдунов и ведьм: идеологическое разнообразие и последующая унификация отражают процессы структурной трансформации и конфликта элит, ставкой в котором были полномочия отправления духовной власти.

Результат масштабной и кропотливой работы Ричарда Лахмана не прошёл незамеченным: его книга трижды удостоивалась наград Американской социологической ассоциации (в 2001, 2002 и 2003 г).

За рецензируемой книгой последовала монография с говорящим названием «States and Power» («Государства и власть»), а в последнее время интерес Лахмана направлен на исследование структурных причин упадка американской гегемонии [Lachmann 2010; 2011].

В 1975 г. Фридрих Хайек опубликовал статью под названием «Two Types of Mind» («Два типа мышления»), где разделил интеллектуалов на две категории: одни специализируются на конкретной теме и обладают блестящим знанием всех её аспектов (*subject-masters*), в то время как другим (*puzzlers*) нет равных в решении «головоломок» — не оперируя готовыми знаниями, но всякий раз заново реконструируя аргументы (даже общепризнанные), они способны обнаружить слабые места в уже устоявшихся научных идеях [Hayek 1978]. Трудно сказать однозначно, к какой категории интеллектуалов относится Ричард Лахман. И отдавая должное его заслугам, нельзя не отметить разносторонность научных интересов автора «Капиталистов поневоле...»: помимо дальнейшего развития своей модели и разработки её новых приложений, он обращается к предметам, весьма далёким от исторической социологии капитализма, в их числе — социология искусства и исследования субкультур (см., например: [Lachmann 1986; 1988]).

Критика и значение для экономической социологии

Книгу Лахмана можно рассматривать как удачный пример синтеза в рамках единой объяснительной конструкции нескольких концептуальных подходов, обычно рассматриваемых отдельно друг от друга в экономико-социологической литературе (см.: [Радаев 2003; 2005]). Обобщая, можно сказать, что модель конфликта элит объясняет политическую динамику возникновения капитализма («политико-экономический подход») в структурных терминах («структурный подход») в исторической перспективе («исторический подход»), находясь под влиянием, с одной стороны, марксизма и теорий элиты, и современной структурной социологии Р. Бёрта и Х. Уайта — с другой. Структурные сдвиги открывают стратегические возможности для действия, провоцируя конфликт, который перестраивает институциональные формы социально-экономической жизни. Отличие концепции Лахмана от ортодоксального марксизма в том, что экономико-демографические и технологические факторы не рассматриваются *a priori* в качестве объясняющей переменной (пресловутый «экономико-технологический» детерминизм). Теория конфликта элит ближе к марксизму «политическому», в духе Бреннера, однако отличается и от него в том, что первоочередное внимание уделяется не классовому конфликту, а противоборству конкурирующих элит. Обращение к реляционным теориям социальной структуры освобождает лахмановский анализ от эссенциализма ранних теорий элиты и характерной для них тавтологической аргументации. Превосходство «организованного меньшинства над неорганизованным большинством» объясняется структурными условиями, без сомнительных отсылок к «пассионарности», якобы свойственной представителям элиты, и другим эвфемизмам «воли к могуществу». Возможность гегемонии определяется структурно, а закрепляется на уровне институтов, формирующихся в результате конфликта. Чаще такие возможности открываются в ситуациях, где состав игроков ограничен элитами, не обременённых участием производящих классов и потому более динамичных. Лахман выстраивает концепцию социальной структуры, используя как ряд идей американского сетевого анализа, так и классические интуиции Вебера и Маркса, с их вниманием к отношениям власти и динамике конфликта как источнику институционального изменения.

Одновременно взгляд с экономико-социологической точки зрения открывает ряд возможностей для критики лахмановского анализа. Средневековые европейцы были ничуть не менее рациональными, чем современные, и сохраняли эту рациональную ориентацию, организуясь в коллективы, утверждает Ричард Лахман. Этот тезис можно поставить под сомнение, ссылаясь, в духе Поланьи [Polanyi 1947], на современную «рыночную ментальность» (как это пытались сделать оппоненты Бреннера)¹⁰, не-

¹⁰ Подобная критика в адрес Бреннера разбирается в работе: [Little 2011]; см. также: [Little 1986].

явно присутствующую в самой формулировке модели, или развернуть критику, например, с позиций олсонской логики коллективного действия [Olson 1971]. Проблема для таких критик (и критиков) состоит в том, что Лахман не просто постулирует рациональность в виде априорной предпосылки анализа. Скорее, он рассматривает все восемь глав «Капиталистов поневоле...» как своего рода развёрнутое доказательство этого тезиса. Таким образом, единственным адекватным контраргументом может стать лишь столь же обстоятельная и убедительная реконструкция европейской истории Нового времени, основанная на других предпосылках. Отдавая должное Поланьи и Олсону, приходится всё же признать, что их идеи пока не стали основой для моделей, сопоставимых с лахмановской, по масштабу, объяснительной силе и широте спектра возможных приложений.

Поскольку модель Лахмана изначально разрабатывалась для анализа вопросов, которыми традиционно занимается экономическая социология, её использование в этой области открывает широкие перспективы. Потенциал наиболее очевиден в контексте экономико-социологических исследований постсоциалистических переходов (хотя, конечно, не исчерпывается им). Здесь теория Лахмана могла бы привнести свежий взгляд на проблему и дополнить устоявшиеся точки зрения на «великую инволюцию» [Burawoy 2001] и «капитализм без капиталистов» [Eyal, Szelenyi, Townsley 1998] внимательным анализом непредвиденных долгосрочных эффектов действий советских элит.

История и социальные науки

Лахман полагает, что историю Европы определили «не визионеры, не великие стратеги, не навязчиво-маниакальные протестанты» [Лахман 2010: 411]. Это сделали рациональные и осторожные элиты, стремящиеся как можно дольше воспроизводить свои господствующие позиции даже ценой потенциальных долгосрочных преимуществ (например, ценой «правильного» или «более справедливого» капитализма), и не менее рациональные и осмотрительные производящие классы, точно так же не готовые пожертвовать столь редко открывающимися возможностями изменить своё положение к лучшему.

В своём понимании истории Ричард Лахман близок к историческим социологам «третьей волны» (см.: [Goldstone 2006]), акцентирующим внимание на роли агентности в социальном изменении. История — контингентный процесс, и даже максимально подробное установление всевозможных структурных предпосылок, «фона», на котором разыгрывается драма социального конфликта, все-таки недостаточно, чтобы этот конфликт понять. Действия элит и классов зачастую не сводятся к структурным условиям, сделавшим их возможными, и влекут за собой длительные серии непредвиденных эффектов, не выводимые из этих условий. Однако, поскольку структурное изменение протекает довольно медленно, внимательный исследователь в силах отследить эти цепочки действий и открытых ими стратегических возможностей. Вопрос соотношения структуры и агентности в социальном изменении — это вопрос эмпирический, вполне доступный историко-сравнительному анализу. Наличие множественных логик в истории не означает, что они не могут быть реконструированы и поняты.

Помимо ясной аргументации и обилия исторических деталей, книгу Лахмана отличает последовательная и чётко выверенная сравнительная стратегия. Логика рассуждений, выстраивающаяся путём «отсева» второстепенных факторов, вновь утверждает классический императив: рассматривать социальное как ключевую переменную. Историко-сравнительная социология, проделав долгий путь интенсивного развития, остаётся одним из основных претендентов на реализацию классического проекта познания социальной реальности. Оптимистичный взгляд на будущее социальных наук — ещё один обязательный «бонус», ожидающий читателя после прочтения 500 страниц не самого простого текста.

Не исключено, что история действительно представляет собой серию разрывов, последовательность уникальных событий, не агрегирующихся в целостный процесс, или исторических априори, не связанных никакой сквозной логикой (или логиками) и недоступных рациональному познанию. Однако, прежде чем окончательно отказываться истории в разуме, задача исследователя — убедиться, что за этими разрывами не скрывается драматичная динамика конфликтов, которыми руководит вполне рациональная борьба за власть и сложные переплетения прозаических, но никем не отменённых материальных интересов.

Литература

- Дерлугьян Г. 2010. Буржуазных революций не бывает! В кн.: *Лахман Р. Капиталисты поневоле: конфликт элит и экономические преобразования в Европе раннего Нового времени*. М.: Изд. дом «Территория будущего»; 7–12.
- Лахман Р. 2010. *Капиталисты поневоле: конфликт элит и экономические преобразования в Европе раннего Нового времени*. М.: Изд. дом. «Территория будущего».
- Латур Б. 2006. *Нового времени не было: эссе по симметричной антропологии*. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге.
- Мелихов И. 2010. В сторону от литературного опыта. Обзор книг по истории культуры. *Новое литературное обозрение*. 102: 316–323.
- Радаев В. 2003. *Социология рынков: к формированию нового направления*. М.: Изд. дом ВШЭ.
- Радаев В. 2005. *Экономическая социология*. М.: Изд. дом ВШЭ.
- Brenner R. 1976. Agrarian Class Structure and Economic Development in Pre-Industrial Europe. *Past and Present*. 70: 30–75.
- Brenner R. 1982. The Agrarian Roots of European Capitalism. *Past and Present*. 97: 16–113.
- Burawoy M. 2001. Transition without Transformation: Russia's Involutionary Road to Capitalism. *East European Politics and Societies*. 15 (2): 269–290.
- Burt R. S. 1992. *Structural Holes: The Social Structure of Competition*. Cambridge: Harvard University Press.
- Dobb M. 1947. *Studies in the Development of Capitalism*. New York: International Publishers.
- Emigh R. 2004. [The] Transition(s) to Capitalism(s)?: A Review Essay. *Comparative Studies in Society and History*. 46 (1): 188–198.
- Eyal G., Szelenyi I., Townsley E. R. 1998. *Making Capitalism without Capitalists: New Ruling Elites in Eastern Europe*. New York: Verso.
- Goldstone J. 2006. A History and Sociology of Historical Sociology. *International Journal of Comparative Sociology* October. 47: 359–369.

- Hayek F. A. 1978. Two Types of Mind. In: Hayek F. A. *New Studies in Philosophy, Politics, Economics and the History of Ideas*. Chicago: The University of Chicago Press; 52–53.
- Lachmann R. 1985. Feudal Elite Conflict and the Origins of English Capitalism. *Politics and Society*. 14 (3): 349–378.
- Lachmann R. 1986. The Cultural Bases of Legal Legitimacy. *American Bar Foundation Research Journal*. 2: 301–312.
- Lachmann R. 1987. *From Manor to Market: Structural Change in England, 1536–1640*. Madison: University of Wisconsin Press.
- Lachmann R. 1988. Graffiti as Career and Ideology. *American Journal of Sociology*. 94 (2): 229–250.
- Lachmann R. 1989. The Origins of Capitalism and the State in Western Europe. *Annual Review of Sociology*. 15: 47–72.
- Lachmann R. 1990. Class Formation without Class Struggle: An Elite Theory of the Transition to Capitalism. *American Sociological Review*. 55 (3): 398–414.
- Lachmann R. 2000. *Capitalists in Spite of Themselves: Elite Conflict and Economic Transitions in Early Modern Europe*. New York: Oxford University Press.
- Lachmann R. 2010. *States and Power*. Cambridge, UK; Malden, MA: Polity Press.
- Lachmann R. 2011. The Roots of American Decline. *Contexts*. 10 (1): 44–49.
- Lane F. C. 1979. *Profits from Power*. Albany: SUNY Press.
- Little D. 1986. *The Scientific Marx*. Minneapolis: University of Minnesota Press.
- Little D. 2011. *The Brenner Debate. Understanding Society*. URL: <http://www-personal.umd.umich.edu/~delittle/brenner.htm>.
- North D., Thomas R. 1987. *The Rise of the Western World: A New Economic History*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Olson M. 1971. *The Logic of Collective Action: Public Goods and the Theory of Groups*. Cambridge: Harvard University Press.
- Pirenne H. 1925. *Medieval Cities: Their Origins and the Revival of Trade*. Princeton: Princeton University Press.
- Polanyi K. 1947. Our Obsolete Market Mentality. *Commentary*. 3: 109–117.
- Polanyi K. 2001. *The Great Transformation*. Boston: Beacon Press.
- Sweezy P. 1976 (1950). A Critique. In: Hilton R. (ed.). *The Transition from Feudalism to Capitalism*. London: Verso; 33–56.

- Tarrow S. 2003. *From Comparative Historical Analysis to «Local Theory»: An Expansion of Charles Tilly's Model of the Renaissance City-State*. URL: <http://falcon.arts.cornell.edu/sgt2/pscp/documents/comparative%20historical%20analysis%20to%20local%20theoryST.pdf>
- Tilly Ch. 1987. *Cities and States in Europe, 1000–1800*. Center for Studies of Social Change. Working Paper. 51.
- Weber M. 1978. *Economy and Society*. Berkeley; Los Angeles: University of California Press.
- White H. C. 1970. *Chains of Opportunity: System Models of Mobility in Organizations*. Cambridge: Harvard University Press.
- White H. C. 1992. *Identity and Control: A Structural Theory of Social Action*. Princeton: Princeton University Press.